

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 119-130
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.119

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Atypical Slavery-Related Cases from the Orenburg Border Commission Practice in the first half of the 19th century

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

Based on previously unpublished archival materials, the article reviews atypical cases from the Orenburg Border Commission practice in the first half of the 19th century. That means cases descriptions of which are rarely found in its materials. In the framework of methods of microhistory proposed by C. Ginzburg we presume that it is anomalous documentation that might lead to the most interesting conclusions. For example, testimonies of people who pretended to have escaped from Central Asian slavery and which were later recognized as unreliable are exceedingly rarely found (3 times in half a century) in the materials of the Orenburg Border Commission. This shows that such testimonies could have been falsified (in the cases we analyzed testimonies were falsified to avoid punishment, in 1 case by a deserter and in 1 another – by a fugitive criminal). Nevertheless, testimonies taken from slaves who fled to Russian were not in fact verified by the Border Commission. At the same time in the materials of the Orenburg Border Commission there are very few mentions of people who voluntarily fled from the Russian Empire, while it is known from other sources that such people lived in the Emirate of Bukhara. Therefore, while working with the materials of the Orenburg Border Commission one should take into account the probability that some of the testimonies given to it were falsified to a varying degree, but not exposed, and that people who once fled from the Russian Empire passed themselves off as slaves captured in its borders. Other uncharacteristic cases from the Commission's practice show that some slavery practices might have not been recorded by it at all. Thus, members of the Commission suspected Khivan caravans in smuggling Russian Empire subjects to the Khanate of Khiva, but sole attempt to intercept such caravan after it had left Russian borders proved a failure. Another case contains information about Russian captives' service in Khivan army and their escape to Russia through Persia. Furthermore, the Commission found out about it only through other governing bodies of the Empire. All of the above attests that materials of the Orenburg Border Commission are a paramount, yet not exhaustive and not always reliable source on the history of slavery in the 19th century Central Asia.

Keywords: slavery, Central Asia, Russian Empire, Russian battalion in Persia, false testimony, reliability of historical sources.

1. Введение

Несмотря на то, что в Объединённом государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО) хранится обширный пласт документов, связанный с рабством в Центральной Азии XIX в., большая часть этих документов описывает схожие ситуации, связанные со стандартными практиками местных властей в отношении различных категорий рабов и рабовладельцев. Подобные практики, подробно отражённые в документах, мы уже анализировали в своих статьях: например, бежавшие в российские пределы рабы, не являвшиеся подданными Российской империи, обычно освобождались и отправлялись на родину (Peretyatko, 2024: 1586-1597), а при снятии показаний с «русских пленников»

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

(терминология оренбургских чиновников XIX в.) акцент делался на обстоятельствах захвата в плен, в то время как детали дальнейшего пребывания в рабстве обычно почти не фиксировались ([Peretyatko, 2023: 619-632](#)).

Однако, анализируя стандартные практики оренбургских властей первой половины XIX в., и, прежде всего, преимущественно занимавшейся проблемами рабов Оренбургской пограничной комиссии, мы столкнулись с любопытным феноменом. Согласно свидетельству российского офицера И.В. Виткевича, бывшего в Бухарском эмирате в 1835–1836 гг., там было гораздо больше беглых из Российской империи, чем захваченных силой рабов ([Записки..., 1983: 115-116](#)). Более того, из историй двух рабов, с которыми общался И.В. Виткевич, следует, что они сперва дезертировали из российской армии, бежав в Степь, и только потом были захвачены в рабство кочевниками ([Записки..., 1983: 115](#)). В 1810-е гг. о проживающих в Бухаре беглых из Российской империи упоминали и представители кочевой элиты, обращавшиеся к оренбургским властям (впрочем, их сведения не вполне надёжны) ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 2; ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 8об.–9](#)). А в 1830-е гг. российским властям удалось установить, что среди действовавших на Каспийском море морских разбойников «находится пять человек беглых Русских солдат» ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4420. Л. 16](#)). Судя по этой информации, в Центральной Азии XIX в. проживали не только рабы, захваченные в Российской империи кочевниками во время набегов, но и разного рода беглые люди из российских пределов, в частности, дезертиры.

Однако в известных нам материалах Оренбургской пограничной комиссии данная категория лиц почти не представлена: например, среди многочисленных вернувшихся в Россию рабов славянского происхождения¹, только один, «канонир Василий Венедиктов Дмитриев», подозревался в дезертирстве, причём исключительно потому, что он был возвращён в 1837 г. в числе других русских пленников из Хивы, и со слов этих пленников в момент их первой встречи с российскими чиновниками оказался отмечен как «бежавший из военной службы» ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 70–70об.](#)). Что важно для темы нашей статьи, в снятом позднее с него лично в Оренбургской пограничной комиссии показании канонир утверждал, будто бы был выманен в Персию обманом, а не дезертировал, однако какой-либо проверке это показание члены комиссии подвергать не стали ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 63об.–65об.](#)). Вероятного дезертира просто передали в штаб Отдельного оренбургского корпуса, где его следы теряются ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 70–70об.](#)).

Пытаясь выявить других беглых, с которыми контактировала Оренбургская пограничная комиссия, мы обнаружили, что в 1812 г. в Российскую империю вернулся её подданный татарского происхождения «Михайло, Федоров сын», за несколько лет до этого дезертировавший в Хиву ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 3](#)). Его случай оказался совершенно нетипичным в том отношении, что по ходу снятия показаний в различных инстанциях Михайло трижды назывался разным именем и рассказывал различные истории ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 1–10б.](#)). В дальнейшем нам удалось обнаружить ещё один случай с дачей, вероятно, ложных показаний, когда Оренбургской пограничной комиссией была признана сомнительной история вернувшегося в Россию раба славянского происхождения С.А. Сажаева, который был преступником и, скорее всего, бежал из-под конвоя ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 1–6об.](#)). Больше вернувшихся в Российскую империю людей, с которых Оренбургской пограничной комиссией снимались бы показания и которые при этом позиционировались бы этой комиссией как разного рода беглые, нам обнаружить не удалось.

Таким образом, нами выявлено всего трое вероятных беглых, с которых Оренбургская пограничная комиссия снимала показания: двое дезертиров и один беглый преступник. При этом все они, скорее всего, лгали в своих показаниях: в одном случае показания противоречили сведениям других рабов; в другом случае героем архивного дела были даны три диаметрально различные версии показаний; а в третьем случае в достоверности показаний усомнилась уже сама Оренбургская пограничная комиссия. При этом, помимо данных случаев, нам удалось выявить всего один эпизод, когда показания выбежавшего в Россию раба А. Абдулнасырова были признаны Оренбургской пограничной комиссией недостоверными ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 47](#)).

В своей небольшой статье мы бы хотели подробно разобрать несколько нетипичных случаев из практики Оренбургской пограничной комиссии, включая случаи Михайло, Федорова сына, С.А. Сажаева и А. Абдулнасырова. Проанализировав то, как они были разоблачены, и сопоставив это со стандартными практиками Оренбургской пограничной комиссии, мы сможем понять, насколько эта комиссия проверяла достоверность показаний выходивших из Центральной Азии людей. На этом основании мы сможем понять, могли ли беглые почти не фигурировать в материалах Оренбургской пограничной комиссии не потому, что она с ними действительно не контактировала, а потому, что у беглых была возможность сфальсифицировать свои показания, выдав себя за похищенных силой рабов. Другие нетипичные случаи из практики Оренбургской пограничной комиссии позволят установить, могли ли остаться неотражёнными в её документах ещё какие-то ситуации, регулярно происходившие с российскими подданными в Центральной Азии.

¹ Мы акцентируем вопрос происхождения рабов по той причине, что И.В. Виткевич полагал: большую часть беглецов в Бухару из Российской империи составляют татары ([Записки..., 1983: 115](#)).

Безусловно, в силу ограниченности источниковой базы речь будет идти о возможностях и вероятностях, а не о безусловных утверждениях. Тем не менее нам представляется важным знать, в каких случаях документы Оренбургской пограничной комиссии, связанные с рабством в Центральной Азии XIX в., не заслуживают безусловного доверия.

2. Материалы и методы

Основой для нашей статьи станет целый ряд архивных материалов, хранящихся в Объединённом государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО) (Оренбург, Российская Федерация) и связанных с деятельностью Оренбургской пограничной комиссии. Эти материалы относятся к достаточно широкому хронологическому периоду 1810–1830-х гг. и тематически не связаны между собой. Однако их объединяет то, что на их страницах нашли отражение ситуации, нетипичные для Оренбургской пограничной комиссии: помимо трёх случаев, когда показания выбежавших из Центральной Азии людей были признаны членами этой комиссии ложными или сомнительными, мы разберём попытку комиссии перехватить в Степи хивинский караван и спасение русских пленников, находившихся в хивинском войске, русскими дезертирами, служившими в персидской армии.

Мы будем анализировать эти документы, исходя из принципов микроистории, сформулированных К. Гинзбургом, в соответствии с которыми «ключевым принципом <...> служит не аналогия, а аномалия», а «наиболее отклоняющаяся от нормы документация потенциально содержит наиболее богатые результаты» (Гинзбург, 2004: 312). Иными словами, нас будет интересовать логика появления заведомо аномальных документов Оренбургской пограничной комиссии, нетипичных для её деятельности. Реконструировав эту логику, мы постараемся понять, могли ли иные случаи, подобные описанным в этих документах, оказаться не зафиксированы комиссией не потому, что они были редки и нетипичны для рабства в Центральной Азии, но по каким-то другим причинам, прежде всего связанным со спецификой деятельности оренбургских чиновников.

3. Обсуждение

Ложные показания, дававшиеся Оренбургской пограничной комиссии, до настоящего времени не становились предметом специального исследования. Вообще, несмотря на то, что тематике экспансии Российской империи в Центральную Азию посвящено множество работ, в той или иной степени затрагивающих тему местного рабовладения (можно отметить, в частности, сравнительно недавно вышедшую монографию А. Моррисона (Morrison, 2021)), собственно необработанные и хранящиеся в архивах показания людей, лично бывших в рабстве, редко используются в них в качестве источников. Исключение здесь составляют несколько работ И.А. Ермачкова, Е.К. Минеевой и их соавторов, основанных на показаниях русских рабов, вернувшихся из Хивы в 1830-е гг. (Ermachkov et al., 2021a: 1171-1180; Ermachkov et al., 2021b: 1779-1788). Однако в этих статьях в принципе не ставится вопрос о степени достоверности использованных показаний.

4. Результаты

4.1. Как Михайло, Федоров сын, себя за разных людей выдавал (1812 г.)

В 1812 г. в Оренбургскую пограничную комиссию из Троицка был доставлен человек, сперва называвший себя «магометанином Койбагаром», затем татарин из Казанской губернии Габейдулло Лукминым, а в итоге оказавшийся крещёным татарин той же губернии «Михайло, Федоровым сыном» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 1–10б.). Особую пикантность ситуации добавляет то, что сохранилось три варианта его последовательных показаний, в которых история этого якобы беглого раба менялась до неузнаваемости.

25 июня в Троицкой таможне якобы вышедший из рабства у кочевников неизвестный человек показал, что его зовут Койбагаром и он не знает ни времени, ни обстоятельств своего попадания в Степь, однако слышал от кого-то, будто бы «роду башкирского» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 2). Его якобы неоднократно продавали, пока он не достался «киргизцу Итпару», от которого раб терпел притеснения и сбежал в Россию, где рассчитывал быть причисленным к одному из башкирских кантонов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 2).

10 июля на допросе в Оренбургской пограничной комиссии этот же человек заявил, что его зовут Габейдулла Лукминев и он – беглый татарин Казанской губернии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 2). Согласно новой версии показаний, «Габейдулла Лукминев» примерно десять лет назад без разрешения властей покинул родную деревню с намерением бежать в Бухару, чтобы избежать рекрутчины (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 2об.). Ему удалось добраться до Оренбурга, из которого он ушёл с караваном в Ургенч, а затем и в Бухару (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 2об.). Однако затем он по какой-то причине, которая не была им объяснена, вернулся назад, в Российскую империю, где дал ложные показания, надеясь быть причисленным в башкирские кантоны (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 2об.).

11 июля выбежавший из Степи человек снова изменил показания. Теперь он утверждал, что его зовут «Михайло, Федоров сын» и он – крещёный татарин, служивший в Екатеринбургском

мушкетёрском полку (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 20б.). Около четырёх лет назад, когда этот полк стоял в Оренбурге, Михайло с другим солдатом дезертировали (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 20б.–3). Интересно, что именно в этой, вероятно, правдивой версии показаний вышедшего из Степи человека фигурирует несколько конкретных имён. Двое солдат ушли в Степь и попали к «киргизцу Мишахану», который продал их «хивинцу Ишниязу Ширнказову» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 3). А вот далее судьбы солдат разошлись: если спутник Михайлы был подарен хивинскому хану, то сам татарин выдал себя за мусульманина, в связи с чем и получил свободу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 3). Однако в Хиве Федорову, видимо, не понравилось, и он вскоре вернулся в Россию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 3).

Таким образом, мы имеем дело с уникальным казусом: выбежавший из Степи человек не только ложно выдал себя за беглого раба, но затем ещё и поменял показания дважды, каждый раз признаваясь в более серьёзных преступлениях. К сожалению, из дошедших до нас архивных материалов совершенно непонятно, что побудило его к этому. Если первая версия показаний «магометанина Койбагара» действительно выглядела очень подозрительной из-за почти полного отсутствия конкретики о его жизни среди кочевников, то версия «Габейдуллы Лукминова», на наш взгляд, была уже вполне правдоподобной, причём она содержала признания в достаточно серьёзных преступлениях. Поэтому, как бы ни были важны для нас причины, по которым Михайло, Федоров сын, менял свои показания, установить их нам не удастся. Зато данный случай безусловно свидетельствует: люди, позиционировавшие себя перед оренбургскими властями в качестве сбежавших из Центральной Азии рабов, могли в действительности таковыми не являться. В самой возможности дачи ложных показаний Оренбургской пограничной комиссии не было ничего невозможного, и уже хронологически самый ранний известный нам случай, когда ложность подобных показаний была вскрыта, был связан с попыткой дезертира скрыть свою вину, сперва выдав себя за раба неясного происхождения, а затем хотя бы за беглого из Российской империи, сбежавшего до призыва в армию.

4.2. Как беглый преступник Семен Сажаев сбежал/был похищен кочевниками (1814 г.)

14 декабря 1814 г. в Крутоярскую крепость явился человек, назвавшийся «Семеном Александровым сыном Сажаевым» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 1). Он оказался осуждённым преступником и не смог внятно описать обстоятельств, при которых попал в плен к кочевникам. Рассказанная им история сводилась к следующему.

В 1813 г. он был обвинён в краже, за которую в начале 1814 г. приговорён Челябинским уездным судом к 40 ударам плетью и к отправке в Уфу на поселение (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 10б.). В Уфе местное начальство решило отправить его на поселение куда-то ещё, однако С.А. Сажаев утверждал, что не понял, куда именно, поскольку был очень болен (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 10б.). В итоге он оказался в городе Ялуторовске (Тобольская губерния), из которого опять был куда-то отправлен вместе со ссылаемыми на поселение «одним киргизцом и двумя башкирцами» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 2). Объяснить, что случилось дальше, С.А. Сажаев вообще не смог, ссылаясь на тяжесть всё той же мучившей его в пути болезни, но, как он предполагал, его спутники то ли подкупили конвойных, то ли сбежали от них, зачем-то взяв с собой и самого С.А. Сажаева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 2). Затем спутники привезли больного «в киргизские кибитки» и скрылись, а хозяева этих кибиток привязали его к стременам лошади, чтобы он не упал, и повезли вглубь Степи (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 2). В Степи С.А. Сажаева неоднократно перепродавали, но никакой информации об именах и родах своих хозяев он сообщить не смог (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 2–20б.). Помогла бежать рабу неназванная «киргизка», однако в пути С.А. Сажаев якобы снова был захвачен неизвестными кочевниками, сбежал и от них, бросил усталую лошадь и в итоге вышел к одному из русских отрядов на линии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 20б.).

Нетрудно понять, что проверить данную историю оренбургским властям было проблематично: о судьбе охранявшего С.А. Сажаева и его спутников конвоя можно было узнать только списавшись с далёким Ялуторовском, а происхождения данного персонажа у безымянных «киргизцев» в принципе не подлежали проверке. Более того, если охранявший С.А. Сажаева конвой был подкуплен или перебит в ходе бегства конвоируемых, то достоверно уточнить, действительно ли С.А. Сажаев тяжело болел во время бегства своих спутников, тоже не представлялось возможным.

Однако Оренбургская пограничная комиссия просто не стала проверять достоверность данной истории. 13 марта 1815 г. она доложила оренбургскому губернатору Г.С. Волконскому, что уточнила важные для неё обстоятельства дела: С.А. Сажаев действительно был судим в Челябинске в 1814 г., приговорён к 40 ударам плетью и ссылке на поселение (правда, не в Уфу, а в Иркутск) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 5). Поскольку больше сведений о нём не было, Оренбургская пограничная комиссия исходила из того, что он «сбежал», но «не учинил ли при побеге вновь преступления Сведения не имеется» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 5–50б.). В подобных условиях комиссия предложила просто снова отправить С.А. Сажаева в Иркутск на поселение (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 50б.). Как нам представляется, не описанная в архивных документах логика оренбургских чиновников была чисто бюрократической, но достаточно разумной: С.А. Сажаев уже был приговорён к достаточно серьёзному наказанию, кроме того, ему предстояло повторить свой путь в Иркутск, и, если им действительно

совершались явные преступления, в Ялуторовске это вскрылось бы. Поэтому заниматься из Оренбурга расследованием обстоятельств возможного побега С.А. Сажаева из-под конвоя около Ялуторовска едва ли имело смысл.

Между тем в том же марте 1815 г. Г.С. Волконскому подал прошение отец С.А. Сажаева, А.Ф. Сажаев. Данное прошение было, мягко говоря, лукавым и двусмысленным. А.Ф. Сажаев утверждал, будто бы не знает, за что судили его сына, а его ссылку в Сибирь на поселение связывал исключительно с «неприятием обывателя на прежнее жительство» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 5а). В интерпретации А.Ф. Сажаева, его сын был «захвачен киргизцами в плен», но «посредством своим освободился, вышел внутрь России» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 5а). И теперь отец, ссылаясь на старость и отсутствие у него других сыновей, а также некий манифест, «изданный прошлого 1814 года августа в 30 день», просил не просто освободить С.А. Сажаева от наказания, но и зачислить его в казаки, а затем поселить недалеко от мест, в которых жил сам А.Ф. Сажаев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 5а–5аоб.).

Нетрудно понять, что А.Ф. Сажаев писал о Манифесте от 30 августа 1814 г., который был дарован Александром I «народу нашему» за участие в победе над Наполеоном (Собрание, 1816: 170). Однако при внимательном изучении данного документа становится ясно, что С.А. Сажаев благодаря нему мог рассчитывать только на прощение за бегство из пределов Российской империи, за которое его и так не стали наказывать: в манифесте дословно сообщалось, что «всякого рода и звания военным людям, крестьянам и прочим обывателям, отлучившимся из отечества, жилищ и команд их самовольно, даруем прощение, буде пребывающие внутри России возвратятся от сего числа в течении года, а из иностранных земель в течении двух лет» (Собрание..., 1816: 174). Причислять же крестьян, тем более сосланных в Сибирь, в казаки манифест, разумеется, не предлагал.

В итоге 7 апреля 1815 г. Г.С. Волконский солидаризировался с мнением Оренбургской пограничной комиссии, приказав повторно отправить С.А. Сажаева в Иркутскую губернию для поселения (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 6–6об.). Для нас же особенно интересно, что в подписанном губернатором документе уже однозначно утверждается, будто С.А. Сажаев «бежал» от конвоя – т. е. в историю о тяжело больном преступнике, которого фактически украли другие конвоируемые при побеге, губернатор не поверил (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 6–6об.). Таким образом, с точки зрения Г.С. Волконского, С.А. Сажаев откровенно лгал в своих показаниях, скрывая участие в бегстве от присуждённого по суду наказания. Однако доказывать факт этой лжи и наказывать беглеца за неё оренбургские власти не стали, что демонстрирует нам их приоритеты.

4.3. Как Абдуллатиф Абдулнасыров себя за беглого пленника выдавал (1837 г.)

Прежде чем переходить к последующим по хронологии казусным случаям из практики Оренбургской пограничной комиссии, разберём последний эпизод, в ходе которого вышедший из Степи человек ложно выдавал себя за беглого раба. Этот эпизод особенно интересен потому, что его главный фигурант не совершал каких-либо серьёзных преступлений, однако, подобно Михайло, Федорову сыну, и С.А. Сажаеву полагал, что ему будет безопаснее исказить свою реальную историю.

В июле 1837 г. оренбургскому губернатору В.А. Перовскому из крепости Илецкая защита доложили: старшина Аман Таубаев доставил на линию «Ясашного Татарина Казанской губернии Царевококшайского уезда Латифа Насырова» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 15). Согласно отобранному у доставленного показаниям, он был пастухом у некоего «Урядника Скорнякова», буквально несколько дней назад (точная дата в документе не указана) допустил потраву скотиной хлеба и поехал к хозяину в Оренбург объясняться – но на пути был захвачен кочевниками (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 15об.). С нашей точки зрения, дальнейшие показания «Латифа Насырова» выглядели очень подозрительно. Кочевники почему-то просто бросили своего пленника около линии, после чего его и спас А. Таубаев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 15об.). Илецким властям, судя по всему, эта история тоже показалась странной, однако у них наибольшие подозрения вызвала сама личность «Латифа Насырова»: о случившемся, кроме В.А. Перовского, сообщили Оренбургской пограничной комиссии и оренбургскому полицмейстеру, причём последнего прямо попросили уточнить: «Действительно ли Насыров проживал у Урядника Скорнякова в работниках и имеет ли у себя Пачпорт?» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 18).

Расследование случившегося растянулось до марта 1838 г., когда Оренбургская пограничная комиссия доложила тому же В.А. Перовскому о вскрывшихся фактах (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 46). Прежде всего, оказалось, что в Илецкой защите неверно зафиксировали имя фигуранта дела: его на самом деле звали не Латиф Насыров, а Абдуллатиф Абдулнасыров (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 46об.). Приводилась и новая версия его показаний, с двумя небольшими отличиями от прежней: о потраве хлеба скотом, который пас А. Абдулнасыров, уже не упоминалось, зато подробнее расписывалась история с его странным спасением из плена (захватившие его кочевники якобы увидели «что-то черневшееся», решили, что это погоня, и бросили пленника) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 46об.). Однако по-настоящему неожиданная информация поступила от оренбургской городской полиции.

К сожалению, в дошедших до нас документах снова отсутствуют конкретные сведения о том, как была получена эта информация. Указано только, что было предпринято полицейское расследование

(дословно: «по произведенному Полицией розыску открылось») (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 47). В ходе расследования подтвердилось, что А. Абдулнасыров не врал ни о своей личности, ни о том, что он был пастухом у урядника Скорнякова, допустившим потраву чужого хлеба (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 47). А вот историю о похищении кочевниками А. Абдулнасыров полностью выдумал: в действительности он после потравы чужого хлеба сам бежал в Степь, где явился к старшине А. Таубаеву и соврал ему, будто бы был захвачен (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 47). Мотивация А. Абдулнасырова к столь экстравагантному поступку в архивных документах описана следующим образом: «от испуга по молодости лет» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 47). Таким образом, А. Абдулнасыров настолько боялся наказания за потраву хлеба то ли от хозяина, то ли от людей, чей хлеб он потравил, что попытался сфальсифицировать свой захват в рабство кочевниками и внезапное спасение, видимо, надеясь, что наказывать после такого его не будут. Для нас же наиболее важен тот факт, что А. Абдулнасырова разоблачила не Оренбургская пограничная комиссия, а оренбургская полиция, в которую его отправили, вообще-то, не для уточнения обстоятельств его спасения, а для проверки его личности. При этом других случаев, когда история выбежавшего из Центральной Азии раба проверялась бы полицией, нам в архивных материалах пока обнаружить не удалось.

Учитывая случай А. Абдулнасырова, а также описанные нами выше случаи Михайлы, Федорова сына, и С.А. Сажаева, остаётся констатировать, что попытки обмана Оренбургской пограничной комиссии людьми, выдающими себя за насильно захваченных рабов, но не являющимися ими в действительности, предпринимались неоднократно. Между тем комиссия не пыталась заниматься расследованиями, удостоверяющими правдивость показаний вышедших из Центральной Азии людей или уточняющими сведения о достоверно находящихся у кочевников беглых. Так, летом 1828 г. «пленный Кызылбашанин Мухаметь Мулла Рамузин» в своих показаниях заявил, что слышал: «Находится в Орде Русской беглый, за коего уже соватана невеста, но как его зовут, когда он бежал, откуда и у кого находится, не знает» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 141об.–142). Оренбургская пограничная комиссия запросила у оренбургского губернатора П.К. Эссена разрешение «оставить без переписки» это дело, как «не представляющее никаких на розыскание возможностей» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 142об.). Только значительно позже, из разобранных нами случаев, к середине XIX в. сложилась практика, когда выбежавших из Центральной Азии рабов, утверждавших, что они не являются подданными Российской империи, специально проверяли в Оренбургской пограничной комиссии, пытались понять, не скрывается ли под личиной беглого раба преступник. Обычно эта проверка в документах описывалась так: «При испытании же, сделанном Асанову переводчиками при почтенных азиятцах, проживающих в Оренбурге, найдено, что он говорит весьма чисто Персидским наречием, применяясь к своему коренному; затем при медицинском освидетельствовании Асанова никаких на нем признаков телесного наказания не замечено» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7204. Л. 33); «По испытании Абдуллина переводчиками Комиссии и вызванными чрез них находящимися в Оренбурге по торговым делам Азиятцами оказалось, что он говорит довольно порядочно по Персидски, по-татарски же хорошо, но только чисто хивинским наречием; а по свидетельству медика никаких признаков телесного наказания на Абдуллине не замечено» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7204. Л. 53об.–54). Подданные же Российской империи и таким проверкам не подвергались, но обычно посылались в места своего прежнего проживания (в частности, так поступили с группой русских пленников, в 1837 г. вернувшейся из Хивы (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 76–77)). Вероятно, предполагалось, что, если в числе подобных людей будут преступники или самозванцы, это будет проще выяснять не в Оренбурге, а в местах их постоянного проживания.

Как мы видим, все описанные практики позволяли уточнить только то, насколько беглый раб верно указал свою личность – и, в случае с российскими подданными, не совершал ли он преступлений до попадания в рабство. Собственно же история пребывания человека в рабстве, включая обстоятельства того, как человек в рабство попал, Оренбургской пограничной комиссией по сути не проверялась – и, следовательно, мы едва ли сможем когда-нибудь точно ответить на вопрос, какая доля людей, фигурирующих в документах Оренбургской пограничной комиссии в качестве захваченных в рабство русских пленников, в действительности сама бежала из пределов Российской империи. Тем не менее на вопрос, поставленный нами во вводной части нашей статьи, мы можем ответить безусловно положительно: беглые могли почти не фигурировать в материалах Оренбургской пограничной комиссии потому, что у них была возможность сфальсифицировать свои показания, выдав себя за похищенных силой рабов, поскольку никаких проверок этих показаний фактически не проводилось. Даже те три выявленных нами случая, когда показания людей, выдававших себя за рабов, были признаны оренбургскими властями сфальсифицированными, нельзя поставить в заслугу Пограничной комиссии: А. Абдулнасырова разоблачила полиция, лживость показаний С.А. Сажаева так и не была доказана, а о том, почему Михайло, Федоров сын, трижды менял показания, информации в источниках нет.

4.4. Как чиновник Аитов хивинский караван не догнал (1828 г.)

В то же время нам удалось обнаружить показательный пример того, как Оренбургская пограничная комиссия предприняла нечто, напоминающее детективное расследование –

окончившееся неудачно и повлекшее определённые, хотя и незначительные, проблемы для самих членов комиссии.

14 октября 1828 г. группа солдат Ильинской крепости была отпущена на сенокос за реку Урал, и с ними без разрешения начальства отправился «находящийся в отпуску по билету рядовой Иван Филипов», который неосторожно отошёл от остальных «не более, как на сто сажен за бутор», после чего оказался похищен вместе с лошастью (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 1–10б.). 16 октября комендант Ильинской крепости доложил о случившемся Оренбургской пограничной комиссии, а 25 октября комиссия предложила оренбургскому губернатору П.К. Эссену пойти на необычную меру: дождавшись отхода хивинского каравана, послать вслед за ним чиновника, чтобы тот проверил, не везёт ли караван И. Филипова, других пленников или беглых (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 1–20б.). В обнаруженном нами архивном документе необходимость данной меры специально не обосновывалась, однако представляется очевидным, что Оренбургская пограничная комиссия подозревала хивинских караванщиков и торговцев в перевозке российских подданных для последующей продажи в рабство, причём предполагала, будто бы эти подданные присоединяются к каравану, когда он уже вышел в обратный путь из Российской империи.

Согласно позднейшим документам, Оренбургская пограничная комиссия отправила в погоню за хивинским караваном коллежского регистратора Аитова уже 3 ноября, до получения официального разрешения на подобную меру от П.К. Эссена (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 7). Разрешение от оренбургского губернатора последовало только 6 ноября (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 3–30б.). Между тем, по данным Оренбургской пограничной таможни, в 1828 г. с зауральского менового двора в Хиву и Бухару уходило 4 каравана (уточнить, какой караван куда следовал, таможня не смогла): 31 июля, 14 августа, 1 сентября и 27 октября (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 70б.). Таким образом, на момент, когда Оренбургская пограничная комиссия попросила разрешить ей послать чиновника за хивинским караваном, последний уходивший с зауральского менового двора караван ещё не отправился в путь. Однако П.К. Эссен медлил с ответом более недели, и даже отправленный без его разрешения чиновник в итоге отставал от каравана на много дней.

Это привело ко вполне предсказуемым последствиям. Коллежский регистратор Аитов следовал за караваном до реки Уил, где узнал, что караван сильно обогнал его и уже переправился через реку Эмбу, после чего повернул обратно «по случаю наступившей Зимы» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 4–40б.). Соответственно, проверить караван на наличие в нём пленников и беглых чиновник не смог. Правда, он докладывал, что несколько кочевников недавно «ездили для хищничества к линии» и захватили там пленника, однако хивинский караван для его дальнейшей транспортировки не использовался: пленители «отправили одного пленника для продажи в Хиву с нарочными прежде каравана» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 40б.). Таким образом, миссия Аитова увенчалась полным провалом: он не только не смог вернуть пленников и беглых, возмозжно, следовавших с хивинским караваном, но и даже не смог найти каких-либо доказательств того, что хивинские караваны действительно используются для нелегальной переправы российских подданных в Хиву.

13 декабря 1828 г. Оренбургская пограничная комиссия доложила о случившемся начальнику штаба Отдельного оренбургского корпуса Г.П. Веселитскому (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 4) (обычно она докладывала ему, если П.К. Эссен по каким-либо причинам не исправлял своей должности, например, был в отъезде). 31 декабря Г.П. Веселитский распорядился уточнить, «когда отправился Хивинский Караван за границу и чрез сколько дней за ним последовал Коллежский Регистратор Аитов», чтобы выяснить, насколько своевременна была отправка последнего (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 6). 23 января нового 1829 г. комиссия сообщила Г.П. Веселитскому уже известные нам факты: что караван вышел 27 октября, а Аитов последовал за ним только 3 ноября (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 7–70б.). В итоге Г.П. Веселитский сделал замечание Оренбургской пограничной комиссии за то, что она не запросила у таможни сведений о датах отправки караванов – из-за чего, якобы, «и произошло, что Аитов ездил напрасно» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 9) (как мы видели, в действительности причиной этого была медлительность П.К. Эссена с предоставлением Оренбургской пограничной комиссии разрешения на командирование чиновника в Степь – но этот сюжет как Г.П. Веселитский, так и пограничная комиссия предпочли обойти молчанием). После этого Оренбургская пограничная комиссия подобных попыток расследования деятельности хивинских караванов в Степи уже не предпринимала – по крайней мере, нам не удалось обнаружить других случаев, когда вслед за ушедшим караваном для его проверки отправлялся бы чиновник.

История с неудачным преследованием хивинского каравана представляется нам крайне важной для понимания степени информированности российских чиновников, занимавшихся борьбой с работорговлей в оренбургском приграничье. Из этой истории видно, что члены Оренбургской пограничной комиссии подозревали: захваченных рабов переправляют в Хивинское ханство в хивинских караванах. Однако единственная выявленная нами попытка организовать перехват подобного каравана на практике оказалась неудачной. Соответственно, подозрение российских чиновников так и осталось подозрением, и в материалах Оренбургской пограничной комиссии мы не найдём безусловных доказательств того, что хивинские караванщики участвовали в переправе

российских рабов в Хиву – или, напротив, результатов проверок хивинских караванов, доказавших невинность хивинских караванщиков в данном преступлении.

4.5. Как русский батальон персидской армии русских солдат хивинской армии спас (1836 г.)

В результате в материалах Оренбургской пограничной комиссии отражалась только часть сюжетов, связанных с подданными Российской империи, находящимися в рабстве в Центральной Азии. Даже спасение этих пленников могло происходить помимо комиссии, причём иногда их освободителями выступали самые неожиданные силы.

В 1836 г. оренбургские власти получили информацию о том, что к российскому послу в Персии, графу И.О. Симоничу, явилось двое рабов из Хивы, которые в дальнейшем были возвращены в Российскую империю (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 1–10б.). Хотя Оренбургская пограничная комиссия не имела к их спасению никакого отношения, она запросила показания этих рабов, чтобы узнать о том, когда и как они были пленены – а поскольку при получении показаний оказалось, что в них фигурируют находящиеся на персидской службе «два батальона из беглых Русских солдат», то комиссия сочла нужным представить копии с этих показаний оренбургскому губернатору В.А. Перовскому (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 10б.–8).

Более лаконичным было показание Михаила Куканова. В 1827 г. он с тремя другими русскими был захвачен в плен во время рыбной ловли на Каспии и продан через нескольких посредников в Хиву (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 5–50б.). Однако там он – пока это единственный известный нам подобный случай, описанный в показаниях самим рабом – сразу оказался взят на военную службу. Его купил некий военный, «Полковник Бакейняс Избаша», сделавший русского своим денщиком (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 50б.). 8 лет М. Куканов служил в хивинской армии, пока во время похода в Хорасан ему не представился случай бежать (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 50б.). М. Куканов якобы сразу вышел к персидским войскам, в числе которых было «два батальона из бежавших Русских солдат», однако никаких своих контактов с этими солдатами беглый раб не упоминал (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 50б.). Вообще своё пребывание в Персии он описывал предельно лаконично, ограничиваясь указанием на то, что следовал по маршруту Нишапур-Савзовар-Тегеран и в Тегеране встретился с И.О. Симоничем (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 50б.–6).

Второй раб, Василий Демидов, был не просто куда более многословен – он сообщал целый ряд фактов, сознательно или случайно упущенных М. Кукановым. В. Демидов тоже был захвачен на рыболовстве в Каспийском море, причём год захвата он не указывал, но из контекста следует, что это произошло около 1830 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 2–20б.). Его продали хивинскому хану Аллакули, у которого русский раб работал плотником около пяти лет (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 3). Однако затем его почему-то включили в состав хивинской армии, отправленной «на сражение с Персией в местечко Хворостат (возможно, Хорасан – Прим. авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 3). Армия эта взяла две деревни, после чего В. Демидов и М. Куканов сумели ночью сбежать (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 3–30б.). Однако это стало только началом их злоключений: беглых рабов приняли за шпионов и посадили в яму в деревне Торбец, в которой они содержались 5 месяцев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 30б.). Когда их выпустили из ямы (причины освобождения в показании не были указаны), беглые узнали, что неподалёку находится «Русский батальон», причём, судя по всему, на тот момент В. Демидов не понимал специфики комплектования и службы этого батальона, но, напротив, полагал, что с его помощью удастся «достичь Русских пределов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 30б.–4). В итоге двое товарищей снова сбежали, на этот раз из деревни Торбец, и на этот раз удачно: им удалось за три дня достигнуть города Туртичи и встретить там «Русского солдата» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 30б.–4). Именно этот солдат выступил ходатаем за беглецов перед персидскими властями, которые, в свою очередь, отправили рабов к И.О. Симоничу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 4).

Интересно, что в хивинской армии был как минимум ещё один русский раб. В. Демидов упоминает некоего Ивана Кондратева, вместе с ним захваченного на Каспийском море и тоже проданного хану Аллакули (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 20б.–3). И. Кондратов тоже изначально работал на хана, только не плотником, как В. Демидов, а хлебопашцем, и в итоге оказался в ханской армии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 3–40б.). К сожалению, не ясно, предлагали ли ему бежать с двумя другими рабами. В этом контексте важно, что свою жизнь в Хиве В. Демидов описывал достаточно нейтрально, без упоминаний каких-либо зверств, встречающихся в русских нарративах о хивинских пленниках: «В бытность ему в плену тяжкого наказания ему не было, кроме как был недостаток в хлебе и обременены были работами» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 40б.). Соответственно, И. Кондратов вполне мог отказаться от рискованного предложения бежать вместе с другими русскими рабами, считая дальнейшее пребывание в Хиве более предпочтительным.

Казус М. Куканова и В. Демидова демонстрирует целый ряд неочевидных сюжетов, связанных с рабством в Центральной Азии XIX в. Прежде всего, мы сталкиваемся с тем, что русские рабы оказываются военнослужащими Хивинского ханства, причём один из них, М. Куканов, нёс свою службу 8 лет. В материалах Оренбургской пограничной комиссии почти отсутствуют упоминания о русских пленниках, которые бы служили в армиях центральноазиатских правителей. Между тем участник российского посольства в Бухару в 1820–1821 гг. Е.К. Мейендорф утверждал, что бухарской

артиллерией командовал «старый русский солдат» (Мейендорф, 1975: 140). В 1822 г. в «Отечественных записках» вышла очень своеобразная статья об этом человеке: утверждалось, что его звали Андреем Родиковым и он был капралом оренбургского гарнизона, ещё 40 лет назад захваченным кочевниками, проданным в Бухару и там сделанным начальником артиллерии исключительно потому, что безымянный бухарский «хан» (а не эмир, как было бы корректнее) знал: «Русские всюду годятся и на все мастера» (Яковлев, 1822: 366). Автор статьи, П. Яковлев, признавал, что А. Родиков свободен, держит лавку и пользуется в Бухаре уважением, однако утверждал, будто он мечтает вернуться в Россию и его удерживает от этого только строгий запрет властей (Яковлев, 1822: 366–367). С другой стороны, в материалах Оренбургской пограничной комиссии было зафиксировано, что, когда в 1859 г. миссия в Бухару под руководством Н.П. Игнатьева выручила оттуда 11 российских подданных, 8 из них оказались служившими в армии эмира (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 106.–206., 1906.). Таким образом, вопреки стереотипным представлениям о российских пленниках в Центральной Азии, какая-то из них часть служила в войсках Бухарского эмирата. Однако в массиве документации Оренбургской пограничной комиссии эта категория людей почти не представлена.

Кроме того, в случае М. Куканова и В. Демидова главными спасителями русских пленников предстают не российские чиновники или лояльные Российской империи кочевые правители, а дезертиры из российской армии, перебежавшие на персидскую службу – и, тем не менее, выступившие ходатаями за рабов, желавших вернуться в Российскую империю. Батальон, состоявший на службе в персидской армии в первой половине XIX в., достаточно известен, и ему, например, посвящён отдельный раздел в книге А.В. Кругова и М.В. Нечитайлова «Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг.» (Кругов, Нечитайлов, 2016: 84–104). Однако нам не удалось найти в литературе упоминаний о том, чтобы солдаты этого батальона помогали русским пленникам выйти из рабства в Центральной Азии.

Наконец, мы снова сталкиваемся с умолчаниями и даже прямой ложью в показаниях спасённых рабов: М. Куканов, однозначно позиционировавший русских солдат на персидской службе как беглых, умалчивал об их роли в своём спасении, а В. Демидов, напротив, ясно описывал эту роль, но нигде не упоминал, что речь идёт о дезертирах. При этом М. Куканов утверждал, будто бы он, сбежав из хивинской армии, сразу вышел к персидским войскам, а В. Демидов – будто бы он вышел в деревню Торбец, где провёл не менее 5 месяцев. Понятно, что, поскольку беглые рабы путешествовали вдвоём, один из них откровенно врал. И мы ещё раз убеждаемся, что вышедшие из Центральной Азии рабы могли лгать или что-то недоговаривать российским чиновникам – причём в данном случае Оренбургская пограничная комиссия в очередной раз не стала вникать в детали этого, не проанализировав противоречия в показаниях М. Куканова и В. Демидова, а просто передав эти показания В.А. Перовскому.

5. Заключение

Попытаемся теперь сформулировать те выводы, к которым нам дают основание прийти разобранные нетипичные случаи из практики Оренбургской пограничной комиссии.

1) В 1810–1830-е гг., безусловно, имели место случаи, когда вышедшие из Центральной Азии рабы лгали Оренбургской пограничной комиссии в своих показаниях. Хотя число случаев, когда показания подобных рабов признавались недостоверными самой комиссией, крайне невелико (нами выявлено всего три подобных случая), исследователь должен учитывать саму *возможность* того, что дававший показания оренбургским чиновникам человек, выдававший себя за беглого раба, не просто чего-то не договаривал, но и откровенно лгал.

2) При этом самой Оренбургской пограничной комиссией не было создано сколько-либо эффективного механизма выявления подобной лжи (определённые шаги в этом направлении были предприняты только в середине XIX в. и касались исключительно рабов, не являвшихся подданными Российской империи). Разоблачения людей, дававших ложные показания, носили скорее случайный характер. Так, Михайло, Федоров сын, не придумал себе качественной легенды и не мог назвать своих хозяев, кроме одного, но, возможно, был разоблачён даже не из-за этого, а потому, что сам сменил излагаемую им в показаниях историю (в архивных документах нет информации о том, обратили ли внимание чиновники, бравшие второе показание, на странности первого). С.А. Сажаева, давшего сомнительные показания, полноценно проверять не стали, но, как уже приговорённого к поселению в Сибири, просто повторно отправили в Сибирь. Только А. Абдулнасырова по-настоящему разоблачили, точно установив, в какой части своих показаний он лгал. Однако это сделала не Оренбургская пограничная комиссия, а оренбургская полиция. Таким образом, сведения, сообщаемые вышедшими из Центральной Азии рабами о своём захвате в рабство и пребывании в нём, Оренбургской пограничной комиссией *полноценно не проверялись*.

3) Из всего этого следует, что для дезертира или беглеца из пределов Российской империи было вполне реально сфальсифицировать свою историю при даче показаний Оренбургской пограничной комиссии. Соответственно, тот факт, что в материалах этой комиссии почти не представлены беглые или дезертиры, может объясняться как тем, что она действительно почти не имела с ними дела, так и,

что представляется *более вероятным*, тем, что данные люди выдавали себя перед чиновниками комиссии за захваченных в рабство.

4) Аналогичным образом не находить отражения в материалах Оренбургской пограничной комиссии могли и иные сюжеты и ситуации, если нетипичные, то, по крайней мере, неисключительные для Центральной Азии первой половины XIX в. Так, как мы видели, члены комиссии считали вероятным участие хивинских караванов в доставке беглых и захваченных в России рабов в Хиву. Однако попытка перехватить подобный караван для проверки на его пути из Российской империи в Хиву провалилась, а повторять её не стали. Поэтому мы теперь можем утверждать только то, что хивинские караваны *могли* участвовать в нелегальной перевозке рабов, однако достоверная информация на этот счёт в материалах Оренбургской пограничной комиссии отсутствует.

5) Наконец, какие-то сюжеты, связанные с рабством в Центральной Азии, могли вообще проходить *мимо внимания* Оренбургской пограничной комиссии. В начале своей статьи мы упоминали, что в Российской империю бежали рабы, не являвшиеся её подданными, которых затем возвращали на родину. Однако гипотетически и русские пленники могли бежать не в Российскую империю, а, например, в Бухару из Хивы или в Хорасан из Бухары. Именно в Хорасан из Бухары бежали М. Куканов и В. Демидов, которым помогли спастись русские дезертиры, служившие в армии персидского шаха, а затем российское посольство. В материалы Оренбургской пограничной комиссии их показания попали случайно, только потому, что об этом случае сообщили оренбургским властям. Между тем другие русские рабы в аналогичной ситуации могли вообще оставаться там, куда сбежали. Следовательно, материалы комиссии не позволяют систематически следить за перемещениями русских пленников за пределы Центральной Азии, если только эти пленники не возвращались в Россию.

Всё вышесказанное, разумеется, не умаляет значения материалов Оренбургской пограничной комиссии. Однако, исходя из отмеченных нами выше особенностей, можно констатировать, что в этих материалах оказались зафиксированы только те аспекты рабства в Центральной Азии, которые интересовали даже не российские власти в целом, а провинциальных оренбургских чиновников, решавших локальные задачи, кстати, далеко не ограничивающиеся борьбой с рабством, но включающие в себя общее управление лояльной России частью Степи. В то же время эти чиновники находились в зависимости от вышестоящего начальства, а их ресурсы были ограничены. И, соответственно, преобладание в материалах Оренбургской пограничной комиссии документов, описывающих схожие ситуации, не означает, что эти ситуации были объективно наиболее распространены, а иные встречались редко – просто, например, в сфере интересов комиссии редко попадали подданные Российской империи, довольные своим пребыванием в Хиве (условия жизни в которой даже для рабов, а не беглых, В. Демидов описывал как сносные). Кроме того, в каких-то случаях сами люди, создававшие документы (как чиновники, так и люди, контактировавшие с чиновниками), могли фальсифицировать описываемые ситуации, приводя их к типичным и удобным для себя: так, возвращающийся в Россию дезертир не был заинтересован в том, чтобы признаваться в своём преступлении, а снимающий с него показания чиновник не был заинтересован в сложной проверке показаний, в результате чего потенциально нетипичная для Оренбургской пограничной комиссии ситуация, связанная с дезертирством или дачей ложных показаний, превращалась в стандартную ситуацию похищения подданного Российской империи кочевниками.

Литература

- [Гинзбург, 2004](#) – Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / *Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история*. М., 2004. 345 с.
- [Записки..., 1983](#) – Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М., 1983. 149 с.
- [Кругов, Нечитайлов, 2016](#) – Кругов А.В., Нечитайлов М.В. Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг. М., 2016. 248 с.
- [Мейендорф, 1975](#) – Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 180 с.
- [ОГАОО](#) – Объединённый государственный архив Оренбургской области.
- [Собрание..., 1816](#) – Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. 212 с.
- [Яковлев, 1822](#) – Яковлев П. Русский капрал Топчи-Баши у Бухарского хана // *Отечественные записки*. 1822. Ч. XI. С. 366-369.
- [Ermachkov et al., 2021a](#) – Ermachkov I.A., Vidishcheva E.V., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1171-1180.
- [Ermachkov et al., 2021b](#) – Ermachkov I.A., Baibarina A.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1779-1788.
- [Morrison, 2021](#) – Morrison A. The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 2021. 641 p.

- [Peretyatko, 2023](#) – *Peretyatko A.Yu.* Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 619-632.
- [Peretyatko, 2024](#) – *Peretyatko A. Yu.* Foreign Fugitive Slaves from Central Asia Who Were Coming into the Borders of the Russian Empire in the first half of the 19th century: to the Statement of the Problem // *Bylye Gody*. 2024. 19(4): 1586-1597.

References

- [Ermachkov et al., 2021a](#) – *Ermachkov, I.A., Vidishcheva, E.V., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L.* (2021). The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(3): 1171-1180.
- [Ermachkov et al., 2021b](#) – *Ermachkov, I.A., Baibarin, A.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L.* (2021). To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(4): 1779-1788.
- [Ginzburg, 2004](#) – *Ginzburg, K.* (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: Two or Three Things That I Know about It]. Mify-emblemy-primety: Morfologiya i istoriya. M. 345 p. [in Russian]
- [Krugov, Nechitaylov, 2016](#) – *Krugov, A.V., Nechitaylov, M.V.* (2016) Persidskaya armiya v voynakh s Rossiei. 1796–1828 gg [Persian army in wars with Russia. 1796–1828]. M. 248 p. [in Russian]
- [Meyendorff, 1975](#) – *Meyendorff, E.K.* (1975). Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [Journey from Orenburg to Bukhara]. M., 180 p. [in Russian]
- [Morrison, 2021](#) – *Morrison, A.* (2021). The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 641 p.
- [OGA00](#) – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].
- [Peretyatko, 2023](#) – *Peretyatko, A.Yu.* (2023). Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source. *Bylye Gody*. 18(2): 619-632.
- [Peretyatko, 2024](#) – *Peretyatko, A.Yu.* (2024). Foreign Fugitive Slaves from Central Asia Who Were Coming into the Borders of the Russian Empire in the first half of the 19th century: to the Statement of the Problem. *Bylye Gody*. 19(4): 1586-1597.
- [Sobranie..., 1816](#) – Sobranie vysochaishikh manifestov, gramot, ukazov, reskriptov, prikazov voiskam i raznykh izveshchenii, posledovavshikh v techenii 1812, 1813, 1814, 1815 i 1816 godov [Collection of highest manifests, diplomas, decrees, rescripts, army orders and various notifications which followed during the years 1812, 1813, 1814, 1815 and 1816]. SPb. 212 p. [in Russian]
- [Yakovlev, 1822](#) – *Yakovlev, P.* (1822). Russkii kapral Topchi-Bashi u Bukharskogo khana [Russian corporal Topchi-Bashi with the Bukharan Khan]. *Otechestvennyye zapiski*. Pt. XI. Pp. 366-369. [in Russian]
- [Zapiski..., 1983](#) – Zapiski o Bukharskom khanstve (Otchet P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha) [Notes about the Khanate of Bukhara (The reports of P.I. Demezons and I.V. Vitkevich)]. M. 149 p. [in Russian]

Связанные с рабовладением нетипичные случаи из практики Оренбургской пограничной комиссии первой половины XIX в.

Артем Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье, на основе прежде не публиковавшихся архивных материалов, рассмотрены нетипичные случаи из практики Оренбургской пограничной комиссии первой половины XIX в., то есть такие случаи, описания которых встречаются в её материалах редко. В рамках предложенных К. Гинзбургом методов микроистории мы полагаем, что как раз аномальная документация может привести к наиболее интересным выводам. Так, в материалах Оренбургской пограничной комиссии исключительно редко (3 раза за полвека) встречаются показания людей, выдававших себя за сбежавших из рабства в Центральной Азии, признанные затем недостоверными. Это показывает, что подобные показания могли быть сфальсифицированы (в разобранных нами случаях показания фальсифицировались, чтобы избежать наказания, причём в 1 случае дезертиром и в 1 случае - беглым преступником). Тем не менее Пограничной комиссией показания, снимавшиеся с выбежавших в Россию рабов, фактически не проверялись. При этом в материалах Оренбургской пограничной комиссии очень мало упоминаний людей, которые добровольно сбежали из Российской империи, в то время как из других источников известно, что подобные люди жили в Бухарском

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)

эмирате. Соответственно, при работе с материалами Оренбургской пограничной комиссии следует учитывать вероятность того, что часть показаний, которые были даны ей, была в той или иной степени сфальсифицирована, но не разоблачена, и люди, некогда сбежавшие из Российской империи, выдали себя за похищенных из её пределов рабов. Другие нетипичные случаи из практики комиссии показывают, что какие-то практики рабовладельцев могли быть в принципе ею не зафиксированы. Так, члены комиссии подозревали хивинские караваны в вывозе подданных Российской империи в Хивинское ханство, однако единственная попытка перехватить подобный караван уже после его выхода из российских пределов оказалась неудачной. В другом деле комиссии зафиксирована информация о службе русских пленников в хивинской армии и их бегстве в Россию через Персию, причём комиссия узнала об этом только потому, что ей сообщили другие органы управления империей. Всё вышесказанное свидетельствует, что материалы Оренбургской пограничной комиссии являются важнейшим, но не исчерпывающим и не всегда достоверным источником по истории рабства в Центральной Азии XIX в.

Ключевые слова: рабство, Центральная Азия, Российская империя, русский батальон в Персии, ложные показания, достоверность исторических источников.